

Серия «Психология»
2022. Т. 39. С. 76–85
Онлайн-доступ к журналу:
<http://izvestiapsy.isu.ru/ru>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

Научная статья

УДК 159.922.86/159.922.27
<https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.39.76>

Символические ресурсы личности

Т. Н. Харланова*

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Россия

Аннотация. Осуществлен анализ теоретико-методологических аспектов исследования понятий «символизация» и «символические ресурсы личности», сущности символических процессов и их роли в социально-психологической адаптации субъекта. Определено психологическое содержание процесса символизации, направленного на сопровождение и организацию взаимодействия субъекта с людьми, внутренним «Я» и предметным миром. Отмечено, что процессы символизации порождают и одушевляют жизненные смыслы, открывают новые, невидимые ранее возможности для человека, расширяющие пространство его внутреннего мира и духовного опыта, увеличивают диапазон вариативности действий и эмоциональных проявлений, снимают автоматизмы поведения и деятельности, предоставляют возможность для более гармоничного взаимодействия с другими лицами, а также с миром культуры, науки, творчества.

Ключевые слова: процессы символизации, адаптация, диалогичность, смысл.

Для цитирования: Харланова Т. Н. Символические ресурсы личности // Известия Иркутского государственного университета. Серия Психология. 2022. Т. 39. С. 76–85. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.39.76>

Original article

Symbolical Resources of a Personality

T. N. Kharlanova

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Abstract. The article presents the analysis of theoretical and methodological aspects of the study of symbolization and symbolical resources of a personality. The author has provided the analysis of the essence of symbolical processes and their role in socio-psychological adaptation of a subject. In a psychological context, the symbolization process is aimed at supporting and facilitating the interaction of a subject with other people, inner self, and the subjective world. Symbolization processes generate and inspire meanings of life, open up new opportunities for a person in the way not thought of before, which expand his or her inner world and spiritual experience, increase the range of variability of actions and emotional manifestations, remove stereotypes of behavior and activities, provide an opportunity for a more harmonic interaction with other people as well as the world of culture, science, and creativity.

Keywords: symbolization processes, adaptation, dialogueness, meaning.

For citation: Kharlanova T.N. Symbolical Resources of a Personality. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Psychology*, 2022, vol. 39, pp. 76-85. <https://doi.org/10.26516/2304-1226.2022.39.76> (in Russian)

© Харланова Т. Н., 2022

*Полные сведения об авторе см. на последней странице статьи.
For complete information about the author, see the last page of the article.

Введение

Психологические аспекты процессов адаптации человека отечественными учеными стали изучаться в начале XX в., когда А. Ф. Лазурский осуществил классификацию типов личности, отличающихся степенями приспособления к окружающей среде и соответствующим уровням психической активности – низшим, средним и высшим. С тех пор разнообразные аспекты социально-психологической адаптации, связанные с деятельностью человека в экстремальных условиях, преодолением стрессовых состояний, фрустрации, конфликтов или сложных жизненных обстоятельств, решением проблемных ситуаций, вызванных девиантным поведением, привлекают внимание отечественных и зарубежных исследователей.

Изучение процессов адаптации личности в обществе предполагает акцентирование внимания на процессах взаимодействия субъекта с окружающим миром, которое воплощено в позициях экопсихологического подхода. Важнейшими принципами этого взаимодействия являются принципы коммуникации и диалогичности, которые на своих глубинных уровнях обеспечиваются символической системой личности и включают в себя использование определенных модальных (образных, языковых, невербальных) символических ресурсов. Принципу диалогичности сопутствуют все наши действия, поведенческие акты, даже тогда, когда мы этого не чувствуем, ибо существует второй относительно нашего «Я» план действительности, с которым и происходит постоянное взаимодействие. Диалог, который поддерживается рефлексией и ведется на интрапсихическом уровне субъекта – между определенными внутренними планами психического, также активно использует символический язык, поэтому в процессы социально-психологической адаптации человека (будь то внешняя или же внутренняя форма адаптации, направленная на решение внутреннего конфликта) активно привлекаются механизмы символизации. Эти механизмы позволяют сформировать определенную значимую для личности модель ситуации, а также построить стратегии ее преодоления, преобразования, трансформации.

Несмотря на то что первые труды по исследованию феномена символизации вышли почти сто лет назад, в отечественной психологии долгие десятилетия, как отмечает В. Я. Ляудис, «не находилось места для форм символического сознания, присущих гуманитарной культуре» [Ляудис, 2000, с. 127]. Однако в конце XX в. и в настоящее время процессы символизации начинают активно изучаться на поприще исследований определенных социально-психологических феноменов – социальной идентичности, социальных ролей, смысловых, ценностных и мотивационных факторов поведения и деятельности личности. Это связано прежде всего с тем, что в широкие круги специалистов гуманитарной направленности – психологов, педагогов, философов, антропологов, социологов – начали «проникать» идеи необходимости культивирования символического сознания – способности интерпретировать, порождать символы, которые неразрывно связаны с эмоционально-чувственным опытом людей [Там же].

Методология исследования заключается в теоретическом анализе научных источников по данной проблеме.

Результаты исследования

Многомерность, многозначность, неопределенность и динамичность нашего окружения отражается в многомерности переживаний и смысловых моделей реальности, что порождается сознанием. Из-за этого в процессы переработки информации, которая идет к нам из мира, активно включаются механизмы символизации, соотносящие определенные объекты и феномены реальности содержания субъективного смыслового пространства личности. На этом пути символизация выступает как средство, направленное на обеспечение достижения внутренней целостности «Я» и целостности отношений человека с миром. Развитые механизмы символизации могут рассматриваться как психологическое условие и основа внутренней свободы личности в условиях ее несвободы, внешней, определяемой обстоятельствами жизни, и при определенных обстоятельствах они могут становиться и источником внешней свободы. При этом символизация, протекающая в открытом внешнем мире, может быть основой творческой переработки реальности и повышения адаптивности личности, сохранения и развития ее психологических ресурсов. Реализовываясь в закрытом, внутреннем ключе, символизация знаменует уход от мира внешнего во внутреннее личностное пространство, в бесконечную многомерную вселенную духа, где она порождает смысловые картины, отражающие субъективные переживания, а также перспективы, надежды, желания, эмоции человека.

Недостаточная способность к символизации (или потеря этой способности) может вести к деформации субъектности, к полному автоматизму личности на уровне мышления, поведения, эмоциональных проявлений. Полноценная жизнь протекает в многомерном мире и в нелинейных многомерных психологических временных пространствах, в которых пребывает каждый человек, обусловленный способностью к символизации, позволяющей снять проблему избытка информации за счет переструктурирования ее на основе символов, имеющих инвариантную природу. В философской и психологической литературе проблемам символа и символизации уделяется пристальное внимание, хотя обнаруживаются неоднозначность в интерпретации этих понятий и недостаточность разработки научной проблематики, связанной с этими категориями.

В своих трудах, посвященных становлению человеческой психики, Л. С. Выготский не раз обращается к анализу символической функции мышления и символической деятельности, подчеркивая их неразрывную связь со становлением речи. У человека, в отличие от животных, символическая деятельность неразрывно связана с практическим интеллектом. По мнению Л. С. Выготского, «символическая деятельность начинает играть специфически организующую роль, проникая в процесс употребления орудий и обеспечивая появление принципиально новых форм поведения» [Выготский, 1982–1984, с. 390].

Р. Солсо [2002] считает, что когнитивные карты личности, описывающие физический и концептуальный мир, связаны с символическими репрезентациями, а внутренняя психическая деятельность субъекта определяется использованием символов разной природы и манипуляциями с ними. В исследованиях Дж. Баттерворта, М. Харриса выявлена специфика течения механизмов символизации, которая проявляется в том, что «символические процессы отделены или до какой-то степени независимы от других форм зрительно-пространственной репрезентации» [Баттерворт, Харрис, 2000, с. 345]. В современной зарубежной когнитивной психологии сформировалось мощное направление исследований, изучающее символические системы в контекстах репрезентаций феноменов человеческого бытия.

В. П. Зинченко, подчеркивая значимость символической основы личности, пишет: «Если бы мы попытались изображать модель сознания, она бы не умещалась на плоскости. Духовный слой сознания – это, на самом деле, его вертикальное измерение. И вершиной ее, несомненно, окажется символ» [Зинченко, 2010, с. 590].

Согласно Л. В. Уварову, «символ – это средство познавательного отражения действительности, воплощает диалектику взаимодействия чувственного и рационального, отличается тем, что посредством обобщения конкретно-чувственного или абстрактно-схематического изображения, составляющего упорядоченную структуру символа, можно внешне выразить абстрактное содержание – научные или художественные идеи и понятия (а также чувства и эмоции людей), которые и являются смыслом символа» [Уваров, 2016, с. 211].

Природа символа позволяет оптимизировать процессы когнитивной переработки сложной информации. Так, С. Э. Поляков отмечает, что «...образ простого объекта – символа (как правило, слова) часто замещает собой чрезвычайно сложную, созданную из множества понятий описательную вербальную психическую конструкцию, являющуюся моделью сложной физической сущности или вовсе чего-то гипотетического, созданного сознанием в попытке как-то объяснить себе непонятную или даже недоступную грань реальности» [Поляков, 2011, с. 680]. Такое замещение позволяет упростить некоторые явления или объекты реального мира, что делает возможными следующие операции с ними на психическом плане, а также обеспечивает возможность моделировать реальность.

Э. Фромм выделяет три типа символов, отличающихся специфической взаимосвязью между собой и тем явлением, которое он символизирует. Первый тип – условные знаки, употребление которых ограничено группой лиц, заключивших определенную сделку. К ним относятся слова, образы, несущие государственную или религиозную символику. Второй тип – случайные символы, значимые только для конкретного субъекта. Может отсутствовать внутренняя связь между самим символом и тем, что он символизирует. К этим символам относятся сны, а также определенные объекты и феномены реальности, являющиеся содержанием нашего личного опыта, возникшего на основе устойчивых ассоциаций, формирующихся в связи с «... каким-то домом, ули-

цей, одеждой, пейзажем – с чем угодно, что однажды было связано с определенным настроением» [Фромм, 2010, с. 312]. К третьему типу универсальных символов относятся «символы, в которых между символом и тем, что он означает, является внутренняя связь» [Там же]. Это «... единственный тип символов, в котором связь между символом и тем, что он символизирует, не случайна, а внутренне присуща самому символу. В основе универсальных символов – свойства нашего тела, ощущений и разума, характерные для каждого человека и, таким образом, не ограниченные одним индивидом или группой людей. Именно язык универсальных символов и является единственным общим языком, созданным человечеством, и языком, который люди забыли прежде, чем он смог стать универсальным условным языком» [Там же].

Символ многомерен, поскольку многомерен мир. Символ, как голограмма, вбирает в себя разную размерность нашего многомерного существования. Но поскольку явления мира структурированы и упорядочены, структура и упорядоченность символа служит своеобразным каркасом для объединения различных планов бытия, закрепляющего или удерживающего в своем универсальном инвариантном коде определенные значимые для субъекта значения, смыслы, явления. Символ по своей природе несет скрытую потенциальную активность, которая может перестраивать сознание личности, включая новые уровни осознания себя и реальности, но ее проявление может быть постигнуто и обнаружено только через целенаправленную познавательную активность самого субъекта, обращенного к символу. При этом сам субъект для достижения смысла символа должен иметь определенный уровень развития психических функций.

По мнению М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорского, «символ – это вещь, которая обладает способностью индуцировать состояния сознания, через которое психика индивида включается в определенное содержание (структуры) сознания» [Мамардашвили, Пятигорский, 1997, с. 222]. Символ позволяет выявить тонкие уровни психики, ускользающие от обыденного сознания: «Символ напрямую связывает нашу активную жизнь, воплощающуюся в действии, с семантическим миром нашего бессознательного» [Налимов, Дрогалина, 1995, с. 430]. Через символ раскрывается суть человека: «Нахождение смысла и фиксация его в том или ином символе является основой идентификации индивида» [Зинченко, 2010, с. 591].

На уровне социума символизация общественной жизни позволяет создавать смысловые нити, поддерживающие, передающие и изменяющие его структуру при Руси от прошлого к будущему. Как отмечают В. В. Налимов, Ж. А. Дрогалина, «через символы история осуществляет свой эксперимент над народами» [Налимов, Дрогалина, 1995, с. 591]. Явления упадка культур и народов, сопровождавшиеся потерей родного языка, прежде всего были вызваны разрушением их символической жизни и символических контекстов жизни, их языка, в которых язык нуждался просто в функционировании как язык, «и поэтому здесь налицо не гибель языка, а гибель символической жизни сознания... Когда исчезает символизм в результате условий жизни, которая изменилась, то язык, как изолированный элемент культуры, тем самым уже обречен» [Там же].

В современном обществе отмечается недостаток символизма, т. е. «символов для нашей собственной операции и потребления очень мало» [Мамардашвили, Пятигорский 1997, с. 223]. Это происходит потому, что их используют на другом, низшем, знаковом уровне функционирования, при этом символы «обозначаются», включаются в наш режим автоматической операции знаками, которым природно не принадлежат. То есть внутри наших знаковых систем они десимволизируются, теряют свой непосредственный «сознательный» смысл и превращаются в знаки, строго говоря, в уже «неизвестно что». В таком порядке в мировосприятии современного культурного человека символов становится все меньше и меньше [Там же]. Потребности в символизации отводится ведущая роль в процессе порождения личностных смыслов: «Нахождение смысла обеспечивается благодаря основным психологическим потребностям: потребностям символизации, воображения и суждения» [Леонтьев, 2003, с. 485]. Л. В. Уваров определяет символизацию как «процесс выражения в символе абстрактных понятий, идей и идеализации, а также процесс выявления основных свойств и признаков символа в структуре познавательных образов (чувственных или абстрактно-понятийных) как при их формировании, так и в их гносеологическом соотношении с объективной реальностью» [Уваров, 2016, с. 212]. Символическое сознание, являясь «особой реальностью внутреннего мира человека, где личностные интимные смыслы слиты с предметами, которые актуализировали их отношениями, ситуациями, ими освещаются, определяя индивидуальное или коллективное мироотношение и мировоззрение, далеко не всегда осознается» [Ляудис, 2000, с. 126].

Ж. Пиаже подробно изучал роль процессов символизации в становлении языка социального интеллекта ребенка. Он отмечает, что использование системы вербальных знаков ребенка «...обязано своим происхождением развитию общей “символической функции”, суть которой заключается в том, что представление реального осуществляется с помощью “обозначений”, отличных от тех, которые “обозначают” определенные вещи» [Пиаже, 1969, с. 680]. Символические процессы также тесно связаны с игровым освоением ребенком социальных ролей. В процессе игры ребенок, опираясь на свое воображение, создает различные символические комбинации реальности, при этом возможен отказ от привычных представлений и творческое формирование новых комбинаций элементов игры. Согласно Ж. Пиаже, символическая игра у детей в период раннего детства служит для развития воображения – это происходит, когда появляется представление, отделенное от действия как такового [Там же].

Ж. Лакан акцентируется на том, что субъект проявляет свое «Я» только в контексте коммуникации, который опосредован символическими средствами: «... субъект считает себя действующим, как человеческое существо, как “Я”, лишь начиная с того момента, когда появляется символическая система. И момент этот принципиально невыводим из любой модели индивидуальной структурной самоорганизации» [Лакан, 1999, с. 518]. В работах Л. С. Выготского обращается внимание на взаимосвязь когнитивных особенностей и поведения личности с процессами символизации: «Интеллектуальные процессы у человека с нарушенными символическими функциями, то есть

у афазика, ведут не просто к снижению функции практического интеллекта или затруднению в его реализации, но являются обнажением другого, более примитивного уровня поведения» [Выготский, 1982–1984, с. 395]. Современные исследования также подтверждают мнение Л. С. Выготского об адаптивной роли символических функций и связывающих разнообразные феномены субъективной дезадаптации с нарушением символической функции мышления. Да, первичная неадекватность аутичных детей «в эмоциональной, игровой и языковой сфере может быть объяснена недоразвитием тех когнитивных процессов, которые ответственны за символическую репрезентацию объектов и событий» [Баттерворт, Харрис, 2000, с. 349].

Обращаясь к современным подходам в изучении процесса социально-психологической адаптации, следует выделить интерпретативные концепции символического интеракционизма, согласно которым она рассматривается как «информационно-коммуникативное, мировоззренческое конструирование смыслов бытия и стратегий персональной жизнедеятельности, реализуемой в процессе непрерывной интерпретации собственной идентичности и символических социальных контекстов с точки зрения их соответствия непротиворечивому пониманию социальной реальности, которое целенаправленно формируется или стихийно усваивается в процессе социализации» [Ромм, 2006, с. 280]. М. В. Ромм также говорит о важности успешной адаптации личности к существующей культурной среде, являющейся «хранилищем или словарем символов, из которого черпаются символические значения и интерпретации в повседневной жизни» [Там же]

«Много социальных адаптивных действий являются символическими» [Налчаджян, 2010, с. 360]. При этом ситуации, в которых возникает потребность к адаптации, «описываются с помощью символов. Символы используются также в тех познавательных процессах, с помощью которых первичная ситуация превращается в конечную» [Там же]. А. А. Налчаджян рассматривает конструктивную фантазию и представление как механизмы символического решения проблемных ситуаций жизнедеятельности. Эти механизмы могут быть сознательно задействованы с помощью эмоционально-волевых процессов. В то же время он указывает на процессы символизации, которые в некоторых случаях могут отдалять личность от объективной реальности, и в этом смысле они будут определены как дезадаптивные и неконструктивные процессы [Там же].

Проведенный выше обзор литературных источников свидетельствует о существенном месте процессов символизации в жизни и деятельности человека, в частности в процессах социально-психологической адаптации, в связи с чем для фундаментальных и прикладных исследований в области психологии представляет значительный интерес дальнейшая научная разработка данной тематики. Рассматривая символизацию с психологической точки зрения, мы понимаем ее как цель-процесс оперирования символами, который сопровождает и организует взаимодействие субъекта с людьми, своим внутренним «Я» или с предметным миром и включает следующие этапы: восприятие

объектов и явлений реальности; их образная, эмоциональная, знаковая и ценностно-смысловая переработка; создание на этой основе новых субъектных смысловых полей разного уровня (от поверхностного до глубинного психического); их следующая передача в разнообразных формах деятельности и коммуникации.

Процессы символизации как проявление высших психических функций субъекта формируют символический ресурс личности, который надо понимать как совокупную деятельность психологических механизмов, обеспечивающих их эффективное протекание. Этот ресурс может конструктивно использоваться для преодоления трудных жизненных ситуаций и является основой повышения адаптивных возможностей субъекта в современном социуме.

Заключение

В заключение обзора подходов к пониманию феномена символизации предлагаем следующее определение: символизация – это цель-процесс оперирования символами, сопровождающий и организующий взаимодействие субъекта с людьми, своим внутренним «Я» или с предметным миром, который включает этапы восприятия объектов и явлений реальности; их образной, эмоциональной, знаковой и ценностно-смысловой переработки; создания на этой основе новых субъектных смысловых полей разного уровня (от поверхностного до глубинного психического); их последующей передачи в различных формах деятельности и коммуникации.

Символический ресурс личности следует понимать как совокупную деятельность психологических механизмов, обеспечивающих эффективное протекание процесса символизации. Роль символических ресурсов существенно возрастает в условиях современного общества, которые определяются быстрыми непредсказуемыми изменениями и действием на человека разнообразных интенсивных факторов социальной и техногенной природы. Символические ресурсы социально-психологической адаптации позволяют личности в процессе активного проектирования дружественной, конструктивной субъективной реальности не просто выживать в мире, но и совершенствоваться в различных своих проявлениях, привнося гуманизм и ценностное измерение в формирование будущего. Активное, творческое моделирование субъективных репрезентаций мира может быть реализовано на основе развитых процессов символизации. Конструктивная символизация может рассматриваться как психологическое условие успешной социально-психологической адаптации в трудных жизненных обстоятельствах. Она является основой, обеспечивающей: творческую переработку реальности и повышение адаптивности личности; сохранение и развитие психологического потенциала субъекта; оптимизацию процессов порождения, сохранения и развития смыслов; успешную эмоционально-волевую регуляцию деятельности, поведения и коммуникации личности.

Список литературы

Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития. М. : Когито-Центр, 2000. 350 с.

- Выготский Л. С. Собрание сочинений : в 6 т. М. : Педагогика, 1982–1984. 400 с.
- Зинченко В. П. Признание и творческий акт. М. : Языки славян. культур, 2010. 592 с.
- Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). М. : Гнозис : Логос, 1999. 520 с.
- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М. : Смысл, 2003. 487 с.
- Ляудис В. Я. Методика преподавания психологии. М. : Изд-во УРАО, 2000. 128 с.
- Мамардашвили М. К., Пятигорский А. М. Символ и признание. Метафизические размышления о сознании, символическом и языке. М. : Языки рус. культуры, 1997. 224 с.
- Налимов В. В., Дрогалина Ж. А. Реальность нереального. Вероятностная модель бессознательного. М. : Мир идей : Акрон, 1995. 432 с.
- Налчаджян А. А. Психологическая адаптация: механизмы и стратегии. М. : Эксмо, 2010. 368 с.
- Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка, Логика и психология. М. : Просвещение, 1969. 659 с.
- Поляков С. Э. Феноменология психических репрезентаций. СПб. : Питер, 2011. 688 с.
- Ромм М. В. Философия и психология адаптивных процессов. М. : Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та ; Воронеж : МОДЭК, 2006. 29 с.
- Солсо Р. Л. Когнитивная психология. М. : Либерия, 2002. 600 с.
- Уваров Л. В. Гносеологическая природа моделирования. Минск : Наука и техника, 2016. 212 с.
- Фромм Э. Забытый язык. М. : АСТ : Астрель, 2010. 315 с.

References

- Battervort Dzh., Kharrys M. *Principy psihologii razvitiya* [Principles of developmental psychology]. Moscow, Kognito-Tsentr Publ., 2000, 350 p. (in Russian)
- Vygotskij L.S. *Sobranie sochinenij* [Collected works]. In 6 vols. Moscow, Pedagogika Publ., 1982-1984, 400 p. (in Russian)
- Zinchenko V.P. *Priznanie i tvorcheskij akt* [Recognition and creative act]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2010, 592 p. (in Russian)
- Lakan ZH. "YA" v teorii Frejda i v tekhnike psihoanaliza [The "I" in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis (1954/55)]. Moscow, Gnosis Publ., Logos Publ., 1999, 520 p. (in Russian)
- Leont'ev D.A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj realnosti* [Leontiev D.A. Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of semantic reality]. Moscow, Smysl Publ., 2003, 487 p. (in Russian)
- Lyaudis V.Ya. *Metodika prepodavaniya psihologii* [Methodology of teaching psychology]. Moscow, URAO Publ., 2000, 128 p. (in Russian)
- Mamardashvili M.K., Pyatigorskij A.M. *Simvol i priznanie. Metafizicheskie razmyshleniya o soznanii, simvolike i yazyke* [Symbol and recognition. Metaphysical reflections on consciousness, symbolism and language]. Moscow, Yazyki russkoi kultury Publ., 1997, 224 p. (in Russian)
- Nalimov V.V., Drogalina ZH.A. *Realnost nerealnogo. Veroyatnostnaya model bessoznatelnogo* [The reality of the unreal. Probabilistic model of the unconscious]. Moscow, Mir Idei Publ., Akron Publ., 1995, 432 p. (in Russian)
- Nalchadzhyan A.A. *Psihologicheskaya adaptaciya: mekhanizmy i strategii* [Psychological adaptation: mechanisms and strategies]. Moscow, Eksmo Publ., 2010, 368 p. (in Russian)
- Piazhe Zh. *Izbrannye psihologicheskie trudy. Psihologiya intellekta, Genezis chisla u rebyonka, Logika i psihologiya* [Selected psychological works. Psychology of intelligence, The genesis of a number in a child, Logic and psychology]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969, 659 p. (in Russian)
- Polyakov S.E. *Fenomenologiya psihicheskikh reprezentacij* [Phenomenology of mental representations]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2011, 688 p. (in Russian)
- Romm M.V. *Filosofiya i psihologiya adaptivnyh processov* [Philosophy and psychology of adaptive processes]. Moscow, Moscow psikhologo-sotsialnyi institut Publ.; Voronezh, Modek Publ., 2006, 296 p. (in Russian)
- Solso R.L. *Kognitivnaya psihologiya* [Cognitive psychology]. Moscow, Liberia Publ., 2002, 600 p. (in Russian)

Uvarov L.V. *Gnoseologicheskaya priroda modelirovaniya* [Epistemological nature of modeling]. Minsk, Nauka i tekhnika Publ., 1994, 212 p. (in Russian)

Fromm E. *Zabytyj yazyk* [The Forgotten Language]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2010, 315 p. (in Russian)

Сведения об авторе

Харланова Татьяна Николаевна

*кандидат психологических наук, доцент,
кафедра «Психология»*

*Севастопольский государственный
университет*

*Россия, 299045, г. Севастополь,
пр. Гагарина, 13*

e-mail: harlanova76@mail.ru

Information about the author

Kharlanova Tatyana Nikolaevna

*Candidate of Sciences (Psychology)
Associate Professor,*

*Department of "Psychology",
Sevastopol State University*

*13, Gagarin st., Sevastopol, 299045,
Russian Federation*

e-mail: harlanova76@mail.ru